

В.Л. ТЕЛИЦЫН, И.Б. ОРЛОВ (*Москва*)

РУССКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЛОНДОНЕ: ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ РОССИИ

У русской эмиграции в Великобритании были не менее, а может, даже более глубокие корни и традиции, чем в других западно-европейских странах: Британские острова — издавна сложившееся пристанище оппозиционной русскому правительству российской интеллигенции, которая представляла Россию не только политическую, но и культурную, творческую.

После Октября 1917 г. социальный состав русской колонии на берегах туманного Альбиона кардинальным образом изменился: антагонистов монархии сменила «антибольшевистская эмиграция», по своей политической ориентации представлявшая настоящую мировоззренческую мозаику партий и течений постсамодержавной России. Согласно данным действовавшего в Англии Русско-Британского 1917 г. Братства, в первые годы после русской революции в стране находилось более 100 тысяч русских, причем более половины из них сосредоточилось в Лондоне¹.

Однако, как и на континенте, русскую эмиграцию в Великобритании раздирали распри. Как писал один из эмигрантских поэтов:

И сорок лет спустя мы спорим,
Кто виноват и почему.
Так, в страшный час
Над Черным морем
Россия рухнула во тьму².

Вокруг этого извечного русского вопроса — «Кто виноват?» — «ломали копыя» не только маститые политики или отставные государственные мужи, но и представители интеллектуальной

элиты российской эмиграции — ученые, журналисты, инженеры, писатели и т. д.

Стремясь обосновать свою позицию (и отдавая дань российским традициям), они создавали научно-исследовательские центры и общества, образовательные кружки, учебные и благотворительные учреждения, издательства и проч., которые, к счастью, остались в истории не как «орудие борьбы», а как «мозговые центры» науки и культуры.

С идеей создания в Лондоне Русского экономического общества (РЭО), члены-корреспонденты которого будут «раскиданы» по всем странам мира³, выступил М.В. Брайкевич⁴. Его поддержали известные в эмигрантской среде ученые и общественные деятели П.А. Иванов, К.Е. Замен и Н.Т. Беляев.

Русское экономическое общество в Лондоне возникло тогда, когда «первая волна» русской эмиграции еще, что называется, набирала силу, тогда, когда еще не всем был ясен итог противостояния белых и красных на Крымском полуострове, тогда, когда на востоке России Гражданская война не достигла еще своего пика.

Несмотря на это достаточно противоречивое время, группа эмигрантов-энтузиастов выдвинула идею создания в Лондоне научно-исследовательского объединения, в центре внимания и деятельности которого оставался бы один объект — Россия.

В число членов-корреспондентов РЭО входили ученые (с мировыми именами) в области экономики, права, российской и всеобщей истории, а также публицисты, журналисты и политические деятели: П.Н. Апостол, О.Н. Андерсон, А.А. Абрагамсон, Н.Н. Зворыкин, граф П.Н. Игнатьев, А.М. Михельсон, А.Я. Чемберс, К.А. Теннисон, В.Ф. Брэйтвейт, С.И. Гаврилов, Д.Д. Гарднер, Н.В. Долинский, Г.Г. Лерхе, Н.Н. Фриге, В.А. Миллер, С.О. Загорский, И.В. Емельянов, Б.Е. Шацкий, А.М. и Е.М. Кулишеры, С.П. Тюрин, А.С. Остроградский, К.Г. Шиндлер и другие.

* * *

В самом начале своей совместной деятельности члены РЭО четко определились: «...<мы> не предлагаем открывать каких-нибудь новых русских экономических горизонтов для европейской или американской экономической мысли, ибо при богатстве информации и широте постановки как научного, так и практического освещения вопросов экономического процесса почти все о России давно и хорошо известно»⁵. В то же время отмечалось, что русская мысль всегда больше интересовалась проблемами духа, чем материи; экономические вопросы изучались больше академически, чем практически. Теперь приходится наверстывать это упущение, и наверстывать в трудных условиях.

Предполагалось публиковать, в порядке обмена мнениями, хотя и в ограниченном объеме, ту часть материала, которая имеет дискуссионный характер или затрагивает острые текущие моменты экономики.

Русское экономическое общество в Лондоне издавало и свои «Записки», где публиковались (на русском и английском языках) проблемные статьи, финансовые и экономические обзоры, рецензии на новые книги, сообщения о деятельности Общества и др. научных и общественных организаций русской эмиграции.

Благодаря титаническим усилиям удалось издать девять томов «Записок Русского экономического общества в Лондоне». Огромное количество работ членов Общества появилось на страницах газет «Последние новости», «Россия и славянство», «Руль», журнала «Современные записки» и др. изданий.

На страницах «Записок» РЭО и др. периодических изданий была сформулирована основная цель Общества — подготовка кадров, способных содействовать восстановлению хозяйственного потенциала в России и выводу страны из социально-экономического кризиса. В качестве своих конкретных задач члены Общества выдвигали следующие:

- 1) сбор материалов по отдельным отраслям экономики;
- 2) выяснение удельного веса отдельных отраслей российско-народного хозяйства в мировой экономике;
- 3) выработка и обсуждение планов технической и финансовой реконструкции экономики России;

4) сбор материалов по вопросам усовершенствования управленческих механизмов;

5) выяснение целого комплекса разнообразных вопросов социально-экономического характера⁶.

В частности, члены Общества предприняли попытку разобраться в наисложнейшей (и достаточно «далекой» от экономических реалий) проблеме: человеческий фактор в эпоху социальных катаклизмов, психоментальность населения России, его основных социальных слоев. И надо сказать, что исследователям удалось сделать заметный шаг вперед (по сравнению с исследованиями, осуществляемыми другими эмигрантскими научно-исследовательскими центрами).

* * *

Изменения, произошедшие в психоментальности социальных слоев российского общества, по мнению аналитиков РЭО, настолько значительны, что впору говорить об изменении социальной базы восстановления экономической структуры России — не один какой-либо класс или партия, а все население страны, уяснившее, что может привести в их жизнь идеологический догмат, претендующий на абсолютную социально-экономическую истину.

К подобным выводам экономисты-эмигранты пришли уже буквально через три года после свершения в России революции, тогда как российским социологам и историкам, экономистам и философам пришлось двигаться к подобному осмыслению почти восемьдесят лет.

В своих работах члены-корреспонденты РЭО проследили, например, процессы, происходившие в психологии основных групп населения России: рабочих, интеллигенции, крестьян.

Российские рабочие...

Мало кто из них разорвал связь с землей, связь с малой родиной, «родственные узы» еще больше укрепились, когда после революции, спасаясь от голода, горожане ринулись в спасительную деревню, туда, откуда в город пришли их отцы и деды, а порой — и они сами⁷.

Переселение рабочих, особенно квалифицированных, ушедших в деревню вслед за семьями, повлияло на удельный вес этой

социальной группы в обществе, а значит, и на ее возможности в политической борьбе, на возможность использования рабочих в политических интригах. Разлагающее влияние войны отразилось на массовом сознании — процветал культ силы.

Конечно, бесспорен тот факт, что Октябрьская революция окрашена в красный цвет — в цвет безвинно пролитой крови, но Красная смута (по мнению ряда членов Общества) преподнесла и положительные сюрпризы:

- развитие кругозора и самостоятельности рабочего;
- развитие организованности фабрично-заводского пролетариата;

- широкое (правда, не всегда результативное) привлечение рабочей верхушки к управлению производством в условиях нехватки кадров профессиональных менеджеров⁸.

Но уже к 1920 г., как считали российские эмигранты, бюрократизация заставила рабочих рвать с советской властью: на митингах заметно противопоставление населения и комиссаров и коммунистов. В условиях большевистского произвола произошло заметное снижение общественно-политической активности.

Подобная трансформация, однако, предопределила у рабочих рост самосознания и критического мышления, учила их ценить знания и опыт, критическое отношение к программам и политическим лозунгам, пробудила интерес к оппозиционной печати⁹, заставила обратить внимание на самоорганизацию, принципы либеральной экономики¹⁰.

Крестьянство...

Столкновение с городской культурой вырабатывало сметку — как можно то или иное «ловко пригнать» в собственном хозяйстве.

Революция разрешила крестьянам захватить частновладельческую землю, но больше не дала ничего. Это вскоре породило разочарование и более реальные оценки экономических возможностей¹¹.

Желание интенсификации хозяйства не только через общину, но и через кооперацию, хутора, отруба — побуждало поиск иных, чем коллективная, форм хозяйствования.

Пассивное (экономическое, в отличие от активного, то есть политического) сопротивление крестьян аграрной политике

советской власти выражалось в сокращении посевных площадей, укрывательстве излишков, отказе от обработки сельхозпродуктов. Но были деревни, где тайно имелись сепараторы, и масло исправно поступало на рынок.

Декретом запрещалось реквизировать премированный скот, что толкало крестьян на улучшение пород скота¹². Это, считали члены РЭО, наглядный пример крестьянской смекалки и мимикрии к происходящим процессам.

Прекрасно понимая, что стремление выделиться из общины вступает в противоречие с государственной политикой приоритета коммун и советских хозяйств, крестьяне тайно разверстывают землю на хутора и ставят власть перед фактом.

Интеллигенция...

Три года революции для нее оказались тяжким крестным путем.

Это было время травли ее большевизмом как культурного врага. В этих условиях она расплылась, опрощалась, бюрократизировалась и разворачивалась режимом произвола или в лучшем случае эмигрировала.

Большую работу культурного и хозяйственного значения интеллигенция совершила в кооперации. Здесь и состоялось примирение между интеллигенцией и массой¹³.

Ушли иллюзии и идеализация мужика, резко возрос удельный вес практицизма и реализма.

Однако оторванность интеллигенции от мировой мысли была чревата серьезными последствиями¹⁴.

Члены РЭО в состоянии были осмысленно подойти к глобальным проблемам современности, а не только к узкопрофессиональным вопросам.

Конечно же, в этом ракурсе их интересовала тематика первопричин Красной смуты в России, состояние страны на современном этапе, оценка большевистских политических и экономических зигзагов, ретроспективный анализ и оценки, моделирование развития ситуации.

В частности: при невмешательстве государства в экономическую жизнь было ли капиталистическое производство хаосом или своего рода механизмом естественного отбора производящих хозяйств в наиболее приспособленных для развитой системы

потребления формах? Может ли производство быть этической системой или это система чисто материальная?

Указание со стороны европейской экономической мысли на ошибочность тех или иных точек зрения на отношение русской экономики к миру могло бы облегчить эти задачи.

В оценках прошлого члены РЭО были настроены достаточно реалистично. Революция — неизбежна, причины ее кроются и в неразумной политике правительственных кругов, и в чрезмерных амбициях политических деятелей, и в особенностях душевного склада русского народа. Все это, перемноженное на последствия мировой войны, и породило русскую Смуту начала XX в.

Но и возврат к прошлому невозможен, этот факт для участников РЭО был бесспорен. Российскую действительность необходимо было воспринимать как таковую.

Социально-экономические зигзаги советского правительства (военный коммунизм, нэп) не представляли собой каких-либо сложностей или противоречий. Соглашаясь более с собственным разумом и опытом, эмигранты скептически воспринимали заявления большевиков о «неизбежности и вынужденности военного коммунизма», о «серьезности и долголетию новой экономической политики». Все эти объяснения для членов РЭО были настолько наивными и надуманными, что оправдание советской стороны всерьез никто и не принимал.

Анализ постреволюционной ситуации в России демонстрировал, что на практике претворялась догма, а уже «задним числом» все ее ужасы оправдывались войной, разрухой и всеобщей анархией. По мнению членов РЭО, большевики сознательно подменяли причины и последствия. Что же касается нэпа, то он представлял собой элементарное временное отступление, после которого большевики обязательно вернуться к магистральному пути.

В своих подходах к моделированию будущего экономического и политического устройства России члены РЭО исходили из учета ряда основополагающих моментов. Какими средствами можно создать психологическую обстановку для возникновения моральных, а не только материальных мотивов к производству и среди рабочих и среди обладателей доли капитала? Посредством, в частности, отказа от «экономического интернационального сентиментализма».

Экономисты-эмигранты, однако, понимали, что восстановление России невозможно без учета ее роли и места в мировой системе координат, без анализа особенностей мировой политики.

После Первой мировой войны на международной арене сложилась следующая ситуация.

Международная политика наций теряла свой специфический характер. Старые — национальные — различия все более уступали место новым — экономическим (развитые или отсталые страны, индустриальные или сельскохозяйственные, кредитор или кредитор и т. д.). Международная политика наций теряла свой «величественный престиж», покоящийся на преемственности (при переходе власти к оппозиции) и единстве народа. Она теряла «иммунитет по отношению к классовой борьбе внутри страны — борьба труда и капитала»¹⁵.

По нашему мнению, члены РЭО, очертившие эти посылки, еще и правильно подытожили: эти факторы играли на руку большевикам.

Экономисты РЭО оказались талантливыми аналитиками, способными, на основании своих расчетов, отделить «зерна от плевел» и представить само «ядро» советской действительности.

Уязвимый пункт коммунизма — его экономика. Никакая борьба с коммунизмом не мыслима, если коммунистическому строю не будет противопоставлена положительная идея другого строя — и хозяйственная и политическая.

Как видно из приведенных выше цитат, члены-корреспонденты Общества, как правило, придерживались откровенно анти-советских взглядов и позиций. Иерархия ценностей жизни базировалась на принципах экономического либерализма.

Стоит отметить и тот факт, что позиции эти являлись результатом эволюционизма системы взглядов интересующих нас ученых: путь развития мысли порой шел от крайне левых (эсеровских) убеждений до так называемого «разумного консерватизма» (конституционной монархии).

Довольно-таки спорен другой вывод Русского экономического общества: народ терпит большевиков не потому, что он понимает только «строгий язык», а потому, что еще «не нашел» формы собственного государства. Иными словами, закон отстает от

перерастающего его общественного мнения. Отрадно другое — прежнее равнодушие народа к государству как факту сменилось живым интересом к нему. Это происходит из-за того, что государственный строй стал поражать уклад жизни крестьянства настолько, что старая формула «дай мне землю, а с государством как хочешь» оказалась явно несостоятельной. Поэтому режим большевиков, считали члены-корреспонденты РЭО, падет так же, как и царский и Временного правительства. Коммунистическую экономику крестьяне уничтожают пассивным сопротивлением, сокращая производство хлеба и отбирая квалифицированных рабочих с заводов¹⁶. Помещичье-чиновничий, советский правящий класс изжил себя, а крестьянин еще не нашел внешней формы своего государства. Он найдет ее, если произойдет синтез между импульсом защиты национальной независимости, стремлением крестьян к правовому закреплению в личную собственность всей земли и стремлением населения к демократическому строю и рациональному аппарату государственного управления¹⁷.

В докладе, прочитанном М.В. Брайкевичем на заседании РЭО 20 января 1921 г., указывалось, что за март-декабрь 1920 г. народное хозяйство советской России сделало ряд «шагов в пропасть»: диктаторские надежды на единоличное управление и трудовую армию прошли¹⁸. Коммунистическое хозяйство, понижая уровень производства, понижало тем самым независимость и сопротивляемость российского хозяйства иноземному империализму. Нет национальной трагедии в национализации русского капитала, если бы национальное хозяйство сохранило накапливающий характер производства. А «единый коммунистический хозяйственный план» (в реальность существования которого не верили даже сами большевики) уже три года разрушает и раточает русский национальный капитал. Для подъема же необходимо классовый и партийно-политический момент подчинить моменту национальному¹⁹.

А еще совсем недавно, в конце 1917 г., М.В. Брайкевич говорил о другом. В то время он считал совершенно реальной «всеобщую национализацию»²⁰.

Члены РЭО полагали, что за три года революции в умах возобладала идея квазинезависимого и квазинационального хозяй-

ства, идея, «высосанная» из догмы об особом пути развития России и боязни «закабаления» российских народов «международным капиталом». Поэтому в своих попытках удержать власть большевики выступают в роли «национального» защитника народа от Антанты²¹.

Для ускорения восстановления хозяйства России, считали члены РЭО, иностранный капитал желателен в значительном размере, но необходимо выяснить, какой капитал, в каких размерах и на каких условиях.

Возрождение национального хозяйства есть вопрос существования не только российской культуры, но и государственности. Он затрагивает интересы каждого: для того, чтобы российские массы могли оставить коммунистический строй, перед ними должен стоять положительный пример — западно-европейские страны²².

Свое кредо в отношении возможного будущего РЭО в Лондоне формулировало двумя абзацами:

Буржуазный строй своего века еще не отжил в России — это несомненно. Частная собственность, свободный обмен и свободный труд и до сих пор остаются наиболее дешевым средством возбуждения стимулов к производству.

Вавилонское пленение российского национального хозяйства относится к области утопии. Лидерство за российской буржуазией сохранится, оно будет не сословием, а открытым экономическим классом²³.

* * *

К сожалению, в 1923 г. «Записки Русского экономического общества в Лондоне» перестали выходить, а вскоре — официально — прекратило свою деятельность и само Общество.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: К а з н и н а О. А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997. С. 9.

² Н о с и к Б. Мир и дар Владимира Набокова: Первая русская биография писателя. М.: Пенаты, 1995. С. 110.

³ Члены-корреспонденты Русского экономического общества проживали вне границ Великобритании. Их обязанность заключалась в подготовке докладов, сообщений, обзоров и прочего, корреспондируемых в «штаб-квартиру» РЭО в Лондоне.

⁴ Брайкевич Михаил Владимирович (? - 12.2.1940. Лондон) — экономист. Окончил Институт путей сообщения. Участвовал в строительстве портовых сооружений в Прибалтике, в прокладке Ейской железной дороги. С 1914 г. — председатель Одесского отделения Русского технического общества, Одесского военно-промышленного комитета, Одесского общества изящных искусств. После Февральской революции 1917 г. товарищ (заместитель) министра торговли и промышленности С.Н. Прокоповича.

В годы Гражданской войны эмигрировал, проживал в Англии, но много путешествовал по континентальной Европе. Сторонник кадетской партии; будучи в эмиграции, состоял членом демократической группы партии «Народная свобода». Немало сил отдавал деятельности в Земско-городском комитете. Публиковался в «Последних новостях».

В пригородах Лондона развернул большое строительное предприятие.

Поддерживал материально группу художников — К. Сомова, К. Бакста, Б. Григорьева и ряд других. Собрал большую коллекцию картин, в которой были представлены в основном работы так называемых «мирискусников».

⁵ Записки Русского экономического общества в Лондоне. 1920. № 1. С. 136.

⁶ См. там же. С. 137-138.

⁷ См.: Брэйтвейт В. О. Очерк социально-психологических последствий революции в России // Записки Русского экономического общества в Лондоне. 1920. № 1. С. 185.

⁸ См. там же. С. 185, 186.

⁹ См. там же. С. 187.

¹⁰ См. там же. С. 188.

¹¹ См.: Кулишер А. Эмбриология большевизма // Последние новости. 1923. 25 авг.

¹² См.: Брэйтвейт В. О. Указ. соч. С. 190.

¹³ См. там же. С. 194.

¹⁴ См. там же. С. 196.

¹⁵ Брайкевич М. В. Политика и экономика в русском вопросе // Записки Русского экономического общества в Лондоне. 1920. № 1. С. 197.

¹⁶ См.: В.Т. <Рец. на кн.:> Загорский С. Рабочий в Советской России. Прага, 1925 // Последние новости. 1925. 5 нояб.

¹⁷ См.: Брайкевич М. В. Указ. соч. С. 229-230; Загорский С. Советская кооперация// Последние новости. 1924. 3 июня.

¹⁸ Брайкевич М.В. Национальное хозяйство// Записки Русского экономического общества в Лондоне. 1921. № 2. С. 484, 485.

¹⁹ Шацкий Б. Президент и конгресс// Последние новости. 1925. 6 мая.

²⁰ Недаром же он был товарищем (заместителем) С.Н. Прокоповича, министра торговли и промышленности во втором составе Временного правительства, известного своими идеями о национализации ведущих отраслей хозяйства.

²¹ Загорский С. Без выхода// Последние новости. 1926. 16 янв.

²² См.: Загорский С. Плохие защитники// Последние новости. 1925.30дек.

²³ См.: Записки Русского экономического общества в Лондоне. 1921. № 2. С. 503.